С. А. Джанумов

Ранние литературно-критические работы И. В. Киреевского

Первые литературно-критические работы И. Киреевского появились в печати в конце 20-х годов XIX века. Это статья *Нечто о характере поэзии Пушкина* (Московский вестник, 1828, № 6) и *Обозрение русской словесности 1829 года* («Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем. М., б.г. С. IX–LXXXIУ. Подпись: *И. Киреевский*).

В первой из этих статей И. Киреевский поставил перед собой цель «определить особенность и содержание» главных произведений поэта первой половины 20-х годов – «от *Руслана и Людмилы* до пятой главы *Онегина*» – и затем вывести «полное заключение о поэзии Пушкина вообще» (Киреевский, 1979, 45). Как видим, речь шла о смелой попытке молодого критика исследовать несколько пройденных Пушкиным до 1827 года этапов творчества и дать общую характеристику пушкинской поэзии. Как отмечает современный исследователь, «двадцатидвухлетний литератор уже в первой своей статье показал глубокую зрелость эстетической мысли, определившей его место в русской критике 20-х годов XIX века. Буквально с первой статьи Киреевский стал сам определять пути развития русской философской критики» (Еремеев, 1996, 114).

Уже в самом начале своей статьи Киреевский отмежевывается от современных ему подходов к изучению творчества Пушкина, которые отличались тем, что серьёзное, аналитическое исследование произведений поэта подменялось легковесными, поверхностными откликами о них: «…Вместо разборов и суждений слышим мы одни пустые восклицания: «Пушкин поэт! Пушкин истинный поэт! *Онегин* поэма превосходная! *Цыганы* мастерское произведение!» и т.д. Отчего никто до сих пор не предпринял определить характер его поэзии вообще, оценить её красоты и недостатки, показать место, которое поэт наш успел занять между первоклассными поэтами своего времени?» (Киреевский, 1979, 43).

Киреевский считает, что не только записные критики, «законодатели» и выразители общего мнения имеют право и власть «…произносить окончательные приговоры необыкновенным явлениям словесного мира», но и каждый мыслящий человек должен иметь возможность высказать своё мнение, «если оно составлено по совести», хотя, как подчёркивает ниже автор статьи, «(…) говоря о Пушкине, трудно высказать своё мнение решительно; трудно привесть к единству всё разнообразие его произведений и приискать общее выражение для характера его поэзии, принимавшей столько различных видов» (Там же, 44).

И далее Киреевский, характеризуя творчество Пушкина, выделяет три основных фазы или «периода развития, резко отличающихся один от другого».

Первый период поэзии Пушкина Киреевский называет *периодом школы итальянско-французской* (здесь и далее курсив Киреевского – С. Д.), соединивший «сладость» Парни «с роскошью, с изобилием жизни и свободою Ариоста». Наиболее знаковым, характерным произведением этого периода творчества Пушкина критик считает поэму *Руслан и Людмила*, в которой резче и полнее всего отразились традиции европейской поэзии. Вместе с тем, по мнению Киреевского, именно в этой поэме Пушкин является «чисто *творцом-поэтом*», который «созидает (...) свой новый мир, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображению». То очаровательное и неизгладимое впечатление, которое произвела поэма-сказка Пушкина на читателей, критик объясняет не только весёлостью и остроумием поэта, не только неистощимостью и полётом его фантазии, которая завлекает «нас в царство волшебства», но и тем, что «автор тщательно избегает всего патетического, могущего сильно потрясти душу читателя, ибо сильное чувство несовместно с охотою к чудесному» (Киреевский, 1979, 46). Если современная Киреевскому критика всерьёз не принимала первую поэму Пушкина, считая её поэтической безделкой, шутливой сказкой, и отмечала подражательный характер этого произведения молодого поэта, то автор статьи «Нечто о характере поэзии Пушкина» характеризует *Руслана и Людмилу* как «самое совершенное из всех его (Пушкина – С. Д.) произведений по соразмерности частей, по гармонии и полноте изобретения, по богатству содержания, по стройности переходов, по беспрерывности господствующего тона и, наконец, по верности, разнообразию и оригинальности характеров» (Там же, 46).

Второй период пушкинской поэзии Киреевский считает *отголоском лиры Байрона* и начало этого периода связывает с появлением в печати поэмы *Кавказский пленник*, которая, по его мнению, богаче всех остальных поэм «силою и глубокостию чувствований» (Там же, 46). В этот период, согласно точке зрения критика, Пушкин является самобытным *поэтом-философом*, «который в самой поэзии хочет выразить сомнения своего разума, который всем предметам даёт общие краски своего особенного воззрения» (Там же, 46). Несмотря на то, что почти каждому из героев пушкинских романтических поэм второго периода (*Кавказский пленник*, *Бахчисарайский фонтан* и отчасти *Цыганы*) можно, по мнению Киреевского, «придать название *разочарованного*», в каждой из этих поэм, несмотря на некоторое сходство с Байроном, можно найти «...столько красот самобытных, принадлежащих исключительно нашему поэту, такую

неподдельную свежесть чувств, такую верность описаний, такую тонкость в замечаниях и естественность в ходе, такую оригинальность в языке и, наконец, столько национального, чисто русского, что даже в этом периоде его поэзии нельзя назвать его (Пушкина – С. Д.) простым подражателем» (Киреевский, 1979, 47).

Больше всего Киреевского восхищают в указанных произведениях пушкинские описания природы, быта, обычаев, образа жизни героев, т. е. то, что и сам Пушкин неоднократно отмечал как несомненные художественные достоинства своих поэм: «Описание нравов черкесских – самое сносное место во всей поэме» (о поэме *Кавказский пленник*. Черновик письма к Н. И.Гнедичу от 29 апреля 1822 года // Пушкин, XIII, 371); «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно (…) изобразить нравы и природу, виденные мною издали» (о поэме *Кавказский пленник*. Черновик *Путешествия в Арзрум* // Пушкин, УIII, 1040); «Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство» (о поэме *Бахчисарайский фонтан*. Статья «Опровержение на критики» // Пушкин, XI, 145).

Рассматривая поэму *Цыганы* и первые главы романа *Евгений Онегин* как произведения переходные, в которых намечается отход Пушкина от эстетики романтизма и становление на путь реалистических исканий, Киреевский тем не менее относит их ко второму периоду творчества поэта. В *Цыганах* критик отмечает то особенное качество, «которое вознаграждает нас некоторым образом за нестройность содержания. Качество сие есть большая самобытность поэта» (Там же, 51). Говоря об «однородности», схожести характера юного Онегина с характером байроновского Чайльд-Гарольда, Киреевский однако подчёркивает в пушкинском романе «стремление к самобытному роду поэзии». Чтобы ярче оттенить неповторимость, оригинальность, национальную самобытность второго периода творчества Пушкина, Киреевский в связи с *Евгением Онегиным*, а также своими критическими установками и принципами проводит мысль о том, что «…чем более поэт отдаляется от главного героя и забывается в посторонних описаниях, тем он самобытнее и национальнее» (Там же, 51).

Следует отметить также, что уже в первой статье молодого критика намечаются ростки его последующей славянофильской концепции, когда он опять-таки в связи с пушкинским романом утверждает мысль об особенном, самобытном историческом пути России: «Время Чильд-Гарольдов, слава Богу, ещё не настало для нашего отечества: *молодая* (курсив мой – С. Д.) Россия (любопытно, что Пушкин в своей поэме *Полтава*, над которой поэт работал в 1828 году, использует тот же эпитет: «Была та смутная пора / Когда Россия молодая…» (Пушкин, V, 23 – С. Д.) не участвовала в жизни западных государств, и народ, как человек,

не стареется чужими опытами. Блестящее поприще открыто ещё для русской деятельности; все роды искусств, все отрасли познаний ещё остаются неусвоенными нашему отечеству; нам дано ещё надеяться – что же делать у нас разочарованному Чильд-Гарольду?» (Киреевский, 1979, 52).

Наконец, задолго до В. Г. Белинского И.Киреевский в своей статье отмечает типичность характера Онегина: «И не одного человека, но целый класс людей представил он (Пушкин – С. Д.) в его (Онегина – С. Д.) портрете: тысяче различных характеров может принадлежать описание Онегина» (Там же, 53). Справедливости ради, следует заметить, что впервые мысль об узнаваемости характера Онегина, прочитав только первую главу романа, высказал А. А. Бестужев в письме к Пушкину от 9 марта 1825 года: «Я вижу франта, который душой и телом предан моде – вижу человека, которых тысячи встречаю наяву…» (Пушкин, XIII, 149).

Третий период творчества Пушкина Киреевский называет *периодом поэзии русско-пушкинской* и характерными, отличительными чертами его считает национальную самобытность и народность: «…что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо как назвать то чувство, которым дышат мелодии русских песен, к которому чаще всего возвращается русский народ и которое можно назвать центром его сердечной жизни?» (Там же, 53). Показательно в этом суждении стремление критика определить критерии народности творчества Пушкина через его тесную связь с фольклором, в частности, с русскими народными песнями, столь явный интерес к которым проявлял на протяжении всей своей жизни родной брат Ивана Киреевского – Пётр.

Главными произведениями этого периода Киреевский считает роман *Евгений Онегин* и трагедию *Борис Годунов*. И хотя критик не считает для себя возможным и сколько-нибудь правомерным «судить по началу о сюжете дела», всё-таки недостатки первых глав романа, и прежде всего, как ему кажется, подражательность характера Онегина он связывает с отголосками влияния Байрона («недостатки *Онегина* суть, кажется, последняя дань Пушкина британскому гению»), а художественные достоинства, «неисчислимые красоты» романа – (Ленский, Татьяна, Ольга, Петербург, деревня, сон, зима, письмо и проч., и проч.), – т. е. небывало полное и высокохудожественное изображение русской жизни, всё это, убеждён Киреевский, «суть неотъемлемая собственность нашего поэта» (Там же, 53). Из всех «русско-пушкинских» персонажей романа, если воспользоваться выражением самого Киреевского, критик особенно выделяет Татьяну: «Характер Татьяны есть одно из лучших созданий нашего поэта; мы не будем говорить об нём, ибо он сам себя выказывает вполне» (Там же, 54).

Говоря о *Борисе Годунове*, Киреевский прозорливо отмечает не только трагедийное начало в творчестве Пушкина, но и всё усиливающееся с годами тяготение его к драматическому роду поэзии: «Пушкин рождён для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен (в постраничной сноске к последнему слову Киреевский объясняет: «мы принуждены употреблять это выражение, покуда не имеем однозначительного на нашем языке» – С. Д.), чтобы быть лириком; в каждой из его поэм (т.е. произведений – С. Д.) заметно невольное стремление дать особенную жизнь отдельным частям, стремление, часто клонящееся ко вреду целого в творениях эпических, но необходимое, драгоценное для драматика» (Киреевский, 1979, 54).

Сущность эволюции Пушкина критик видит в переходе от одного периода к другому, причём на каждом этапе его творчества, как особо подчёркивает Киреевский, проявляется «…ещё одно важное качество его поэзии: *соответственность с своим временем*» (Там же, 55). Таким образом, художественное развитие Пушкина осмысляется в органическом единстве с одновременным развитием русской литературы 10-х – 20-х годов XIX века – от *школы итальянско-французской* через второй период…, который можно назвать *отголоском лиры Байрона* к периоду *поэзии русско-пушкинской*. Теперь мысль соразмерять эволюцию русской литературы первой трети XIX века с творчеством великого (кстати, и это слово по отношению к Пушкину едва ли не впервые употребил именно Киреевский в своей статье, говоря о *Борисе Годунове*: «язык неподражаемый, поэтический, верный – всё это вместе заставляет нас ожидать от трагедии, скажем смело, чего-то *великого* (курсив Киреевского – С. Д.) (Там же, 54).

Своеобразным развитием принципа историзма, намеченного в статье о Пушкине, является новая работа И. Киреевского *Обозрение русской словесности 1829 года* (впервые опубликовано: «Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем. – М., б. г. С. IX-LXXXIV. Подпись: *И. Киреевский*. В оглавлении альманаха статья названа: *Обозрение русской словесности за 1829 год*). В русской критике расцвет жанра обозрений, когда анализируются особенности и тенденции литературного развития определенного года или периода, приходится на первую половину XIX века. Родоначальником нового жанра явился Н. И. Греч. Именно ему принадлежит первый опыт реализации этого жанра в литературной критике – «Обозрение русской литературы 1814 года» (журнал «Сын Отечества», 1815, № 1–4). До И.Киреевского в жанре обозрений писали ведущие представители декабристской эстетики – В. К. Кюхельбекер: «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (“*Le conservateur impartial*”, 1817, № 66. P. 380), «Взгляд на текущую

словесность» («Невский зритель», 1820, № 2, ч. 1. С. 106–126 и (продолжение) № 3. С. 78-89), «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», М.,1824, ч. II. С. 29–44); А. А. Бестужев: «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда на 1823 год». С. 11–29), «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная звезда на 1824 год». С. 265–271), «»Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Полярная звезда на 1825 год». С. 488–499).

В *Обозрении русской словесности 1829 года* И. Киреевский, как и в статье *Нечто о характере поэзии Пушкина*, применяет метод гегелевской триады, которую великий немецкий философ превратил в универсальную схему всякого процесса: тезис (исходный момент), антитезис (переход в противоположность, отрицание), синтез противоположностей в новом единстве (снятие, отрицание отрицания). Как отмечает Ю. В. Манн во вступительной статье к сборнику статей И.В.Киреевского «Критика и эстетика», «пристрастие к триаде Киреевский делит с другими представителями русской философской эстетики. При этом связь стадий строилась обычно на законе отрицания отрицания: вторая противополагалась первой, третья объединяла сильные стороны первой и второй» (Киреевский, 1979, 18).

В *Обозрении* Киреевский, характеризуя литературный процесс 10-х – 20-х годов XIX века, выделяет три периода, связывая их с именами Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина: «Литературу нашу девятнадцатого столетия можно разделить на три эпохи, различные особенностью направления каждой из них, но связанные единством их развития. Характер первой эпохи определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть представителем третьей» (Киреевский, 1979, 56).

Противопоставляя литературу конца восемнадцатого столетия и начала девятнадцатого, критик обращает внимание на то, что в России «в течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются неимоверными». И в связи с этим Киреевский с благоговением вспоминает одного из главных деятелей эпохи Просвещения – прозаика, литературного критика, журналиста и книгоиздателя Н. И. Новикова, которому, по глубокому убеждению Киреевского, «просвещение наше обязано столь быстрыми успехами» и кто «подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества…» (Там же, 56). Показательно, что в этой высокой оценке деятельности Н. И. Новикова молодой критик полностью солидаризуется с мнением А. С. Пушкина, высказанным ранее в «Заметках по русской истории ХУIII века» 1822 года. Пушкин подчеркивал, что

именно Н. И. Новиков распространил «первые лучи» просвещения в России во время царствования Екатерины II. Киреевский не мог знать этих «Заметок» Пушкина, так как они впервые были опубликованы только в 1859 году. Любопытно, что спустя много лет только то место статьи Киреевского, где упоминается Н. И. Новиков, придёт на память А. И. Герцену, который в *Былом и думах* даже назовёт «Обозрение русской словесности 1829 года» «статьёй о Новикове»: «Он (И. В. Киреевский – С. Д.) поместил в «Деннице» статью о Новикове» (Герцен, 1969, 458).

В своём *Обозрении* Киреевский связывает духовное развитие Н. М. Карамзина именно с Новиковым, полагая, и не без основания, что «сам Карамзин обязан своею первою образованностью Новикову и его друзьям-единомышленникам. По крайней мере в их кругу началось первое развитие его блестящих дарований» (Киреевский, 1979, 57). Киреевский считает, что эпоха Карамзина во многом сформировалась под влиянием мистицизма (подразумевая масонство Новикова и его единомышленников) и «странно перемешанного с мнениями французскими середины восемнадцатого столетия» (Там же, 57), т. е. с французским предреволюционным просветительством. Вместе с тем Киреевский точно подмечает, что русская словесность времени Карамзина была словесностью философствующей и сентиментальной: «Мы в литературе искали философии, искали полного выражения человека» (Там же, 58). Успех творчества Карамзина, по мнению критика, во многом был предопределён тем, что этот писатель-сентименталист «согласовался (...) с умонаклонностью своего времени», иначе говоря, если воспользоваться крылатым выражением Пушкина из стихотворения *Чаадаеву* (1818), сумел «в просвещении стать с веком наравне» (Пушкин, II, 187): «Кажется, он (Карамзин – С. Д.) воспитан был для своей публики и публика для него. Каждое его слово расходилось по всей России; прозу его учили наизусть, и восхищались его стихами» (Киреевский, 1984, 43).

Но в литературе и в образе мыслей, по убеждению Киреевского, всегда сильно ощущается «потребность нового». И этой потребности прекрасно отвечала поэзия В. А. Жуковского: «Вся *поэзия* (здесь и далее курсив Киреевского – С. Д.) жизни, всё *сердце души*, если можно так сказать, явились нам в одном существе и облеклось в пленительный образ музы Жуковского» (Киреевский, 1979, 58) (и здесь опять-таки, может быть, бессознательно, Киреевский воспользовался точным и всеобъемлющим пушкинским определением поэзии Жуковского в стихотворении *К портрету Жуковского* (1818): *Его стихов пленительная сладость / Пройдёт веков завистливую даль* (Пушкин, II, 60).

Господствующим тоном лиры Жуковского, воспитанной «на песнях Германии», является, по мнению Киреевского, любовь к прошедшему. И

здесь Киреевский предвосхищает характеристику поэзии Жуковского, данную Белинским в пятой статье цикла «Сочинения Александра Пушкина», который видел «величайшую заслугу» Жуковского в том, что он ввел в нашу литературу «*романтизм* (курсив Белинского – С. Д.) – плод жизни Западной Европы в средние века» (Белинский, VI, 261). Таким образом, вместо «жизни действительной» в поэзии Жуковского Киреевский находит «идеальность, чистоту и глубокость чувств», вместо настоящего – «святость прошедшего» (Киреевский, 1979, 59).

Но, по убеждению Киреевского, «развитие духа народного не могло остановиться», не могло удовлетвориться «умонаклонностью французской и германской». И вот как синтез сентиментализма Карамзина и романтизма Жуковского появляется как «*действительность настоящего* (здесь и далее курсив Киреевского – С. Д.)» поэзия Пушкина, который выразил стремление «к *лучшей действительности*» «сначала под светлою краскою доверчивой надежды, потом под мрачным покровом байроновского негодования к существующему» (Там же, 59). Это стремление русской литературы к изображению «жизни действительной», это «уважение к *действительности*» совпадает, как полагает Киреевский, с современной фазой развития европейской культуры, с той степенью «умственного развития, на которой теперь остановилось просвещение Европы» (Там же, 59). Таким образом, Киреевский, не отказывая русской литературе в самобытности и оригинальности, рассматривает процесс её развития в связи с общеевропейской художественной эволюцией.

Вторая и основная часть статьи Киреевского, где он обращается «к тем первоклассным произведениям нашей словесности, которые блеснули на литературном небе прошедшего года так ярко, как близкие кометы», больше отвечает ее названию. И первое, что привлекает его внимание, это 12-ый том *Истории государства Российского* Н. М. Карамзина – «последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского» (Там же, 60). И опять-таки эта образная характеристика дела всей жизни недавно скончавшегося историка перекликается с пушкинской, вплоть до совпадения в отдельных словах: *История государства Российского* (курсив Пушкина – С. Д.) есть не только произведение великого писателя, но и *подвиг* (курсив мой – С. Д.) честного человека» (Пушкин, XI, 47); «Драгоценной для россиян (у Киреевского – «священной для каждого русского» – С. Д.) памяти Николая Михайловича Карамзина, сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин» (Пушкин, VII, 3). Примечательно, что Киреевский в этой высокой оценке труда Карамзина вполне самостоятелен и независим от Пушкина, ибо пушкинская статья

«О народном воспитании», откуда приведена первая цитата, хотя и написана была в 1826 году, но напечатана впервые только в 1855 году, а мысль посвятить свою трагедию *Борис Годунов* памяти Карамзина пришла Пушкину в первую болдинскую осень (см. письмо к П. А. Плетнёву от 29 октября 1830 г. из Болдина (Пушкин, XIV, 118).

Киреевский не случайно посвящает несколько страниц своего «Обозрения» труду Карамзина. Дело в том, что *История государства Российского* по мере выхода в свет её отдельных томов сразу же стала предметом ожесточённой полемики. Исторические взгляды Карамзина подверг критике, в частности, Н. А. Полевой в специальной статье, опубликованной в «Московском телеграфе» (1829, № 12. С. 467–500), и в предисловии к своей «Истории русского народа». С другой стороны, Ф. В. Булгарин в своих статьях обвинял Карамзина, а вместе с ним А. С. Пушкина и П. А. Вяземского в «литературном аристократизме», а в журнале «Северный архив» (1825, № № 1–3, 6, 8) поместил собственную негативную рецензию на 10-й и 11-й тома *Истории* Карамзина.

В 1830 году Вяземский и Пушкин почти одновременно решительно выступили в «Литературной газете» в защиту покойного историографа. В статье «О духе партий; о литературной аристократии» (впервые: «Литературная газета», 1830, ч. 1,№ 23) Вяземский утверждал, что «Карамзин был не только лучшим писателем нашим, но рождением, образованием и навыками всей жизни своей принадлежал всегда вершине лучшего общества» (Вяземский, 1982, 138). И чуть ниже темпераментно заявлял: «Неужели *История*, им (Карамзиным – С. Д.) писанная, тем виновата, что и он был человек благовоспитанный, что по связям с государственными сановниками имел он более способов изучать людей и дела, вернее судить о прошедшем по удобству видеть вблизи настоящее» (Вяземский, 1982, 138–139).

А Пушкин в статье «*История русского народа*, сочинение Николая Полевого» (впервые: «Литературная газета», 1830, №№ 4 и 12) замечал, что Н. А. Полевой поступил бы мудрее и выиграл бы гораздо больше в общественном мнении, если бы «отдал (…) справедливость Карамзину», а не принижал бы всячески значение его деятельности, не занимался бы «мелочными» и несправедливыми «придирками»: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец» (Пушкин, XI, 120). И если Полевой, рассматривая те же события, что и Карамзин в своей *Истории*, приходит порой к другим выводам, это еще, по мнению Пушкина, не говорит в пользу автора *Истории русского народа*.

Таким образом, защищая Карамзина от нападок Н. А. Полевого и других критиков, Киреевский выступал единым фронтом, полностью солидаризуясь с Пушкиным и Вяземским, хотя и независимо от них.

Пафос «Обозрения» Киреевского состоит в обосновании необходимости национальной философской мысли, самобытной философии: «Нам *необходима* философия: всё развитие нашего ума требует её. Ею одною живёт и дышит наша поэзия» (Киреевский, 1979, 68). Киреевский чутко уловил, что русская литература уже при своём рождении и в период самоопределения тесно связана с философией. Однако эта философия не может быть целиком заимствованной. И потому литература и философия русская не должны ограничиваться «присвоением умственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все другие народа (имеется в виду немецкая философия – С. Д.)»: «Но чужие мысли полезны только для развития собственных. (...) *Наша* философия должна развиться из *нашей* жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов *нашего* народного и частного быта» (Там же, 68).

А отсюда вполне закономерно критик приходит к выводу, что русская литература должна отражать русскую действительность, что литература должна быть синтезом философии, народности и жизни «действительной». Отдавая должное «оригинальным мыслям» и чувствам, блестящей «*игре ума*» в поэзии П. А. Вяземского, вдохновению «музы» и «лиры», «красоте жизни поэтической» Е. А. Баратынского, идиллиям и русским песням А. А. Дельвига, художественному мастерству других русских поэтов и драматургов, Киреевский тем не менее приходит к парадоксальному выводу: «у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы» (Там же, 77–78).

В этом своем горьком выводе Киреевский был не одинок. За несколько лет до Киреевского А. А. Бестужев в обозрении «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» также высказал неудовлетворение общим состоянием русской словесности и, как бы предвосхищая тезис Киреевского, заявил: «...у нас есть критика и нет литературы» (Декабристы, 1991, 117). Уже тогда этот тезис А. А. Бестужева вызвал возражение Пушкина, который в своём письме к автору статьи не согласился с утверждением Бестужева и пришёл к прямо противоположному выводу: «Где же ты это нашёл? – спрашивал Пушкин. – Именно критики у нас и недостаёт. ...Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кое-какая у нас есть, а критики... нет» (Пушкин, XIII, 177–178).

Пушкин возразил и И.Киреевскому. В целом очень высоко оценив *Обозрение русской словесности 1829 года* Киреевского в альманахе «Денница» («Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть *Обозрение русской словесности 1829 года*, сочинение г-на Киреевского»), запальчивое утверждение молодого критика – «у нас ещё нет литературы» – Пушкин в 1830 году никак не мог разделить. Но он смягчил своё

возражение, учитывая молодость автора *Обозрения*: «Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое *Обозрение Словесности*, там есть словесность – и время зрелости оной уже недалеко» (Пушкин А.С. Денница. Альманах на 1830 год, изданный М.Максимовичем // XI, 109).

О том, насколько был популярен этот тезис А. Бестужева и И.Киреевского, несмотря на все возражения Пушкина, свидетельствует и первая крупная статья В. Г. Белинского «Литературные мечтания» (1834), где мысль «у нас нет литературы» является своеобразным лейтмотивом этой статьи. Но следует отметить, что у всех трёх молодых критиков этот, говоря словами Пушкина, «меланхолический эпилог», был проявлением не только свойственного их возрасту максимализма, но и чрезвычайно высоких требований к литературе.

Вместе с тем не всё в русской словесности обстояло так безнадёжно, и Киреевский это отчетливо осознавал. Не случайно в заключительной части своего *Обозрения* он писал: «Если просвещённый европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: «Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?» - что будем отвечать ему? Мы укажем ему на *Историю российского государства* (имеется в виду труд Карамзина *История государства Российского* – С. Д.); мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова» (Киреевский, 1979, 77).

В своей рецензии на альманах «Денница» Пушкин не только обратил внимание на этот пассаж Киреевского, но и дословно привёл его. Больше того, когда в том же 1830 году, в первую болдинскую осень, в статье «<Опровержение на критики>» великий русский поэт поставил перед собой сходный вопрос, какие произведения «наша словесность с гордостию может выставить перед Европою», его список поразительно совпал с тем, который составил Киреевский: «*Историю* Карамзина, несколько од Державина, басен Крылова, пэан 12 года (имеется в виду стихотворение В.А.Жуковского *Певец во стане русских воинов*, написанное в 1812 году. Пэан (*греч.*) – в древней Греции гимн божеству в связи с каким-нибудь важным, значительным событием. – С. Д.) и несколько цветов северной элегической поэзии» (Пушкин, XI, 143).

Таким образом, в неоспоримую заслугу И. В. Киреевскому можно поставить то, что он один из первых в русской критике поставил проблему национальной самобытности и выработал аксиологический подход к литературе, заложил основы подлинно научной критической мысли, сумел

раскрыть соотношение русской и европейской литературы, был одним из создателей религиозно-философского направления славянофильства в русской общественной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский, В. Г. 1976–1982. *Сочинения Александра Пушкина* // Собр. соч.: В 9 т. – Москва: Художественная литература.
Вяземский, П. А., 1982. *Художественная литература*. Т.2 // Сочинения: В 2 т. – Москва: Художественная литература.
Герцен, А. И. *Былое и думы.* – Москва: Художественная литература. Декабристы: эстетика и критика. 1991. – Москва: изд-во МГУ.
Еремеев, А. Э. 1996. *И. В. Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820–1830)*. – Омск: ОмГПУ.
Киреевский, И. В. 1984. *Избранные статьи*. – Москва: Современник.
Киреевский, И. В. 1979. *Критика и эстетика*.– Москва: Искусство.
Пушкин, А. С. 1937–1949. Полное собр. соч.: в 16 т. – Москва: АН СССР.

First Literary and Critical Works by I. V. Kireevsky

The theme of this article is the first literary and critical works of an eminent Russian critic and publicist Ivan Vasilievich Kireevsky (1806–1856). The idea of a historical and literary process of the first half of the nineteenth century cannot be full without making out the regularities of coming into being and development of Russian criticism of that time. In Kireevsky's article "Something about Character of Pushkin's Poetry" Pushkin's as a poet career for the first time is analysed as an organic process, which is a part of the prospect of the motion of the contemporary Russian literature. In Kireevsky's article "The Survey of Russian Literature of 1829" the regularity of evolution of the three periods of the Russian literature in the tenth and the twentieth years of the nineteenth century is connected with the names of N. M. Karamzin, V. A. Zhukovsky and A. S. Pushkin.

Key words: literary and critical works.